

Прикосновение к нему холодило, словно под пальцами был не живой человек, а кусок драгоценного нефрита.

Чу Янь собирался встать и уйти, но вдруг замер на полушаге.

— Генерал Хань, я помню, что ты равнодушен к Цзиньчжи. Почему же сейчас ты так добр ко мне? Неужели только потому, что Чжан Вэнь — мой дядя?

Лицо Хань Чжэна залилось краской. Как он мог не понять намека? Чу Янь открыто обвинял его в том, что между ними стоит соперничество за сердце другого.

С тех пор как правда открылась, сердце Хань Чжэна терзало раскаяние. Он проклинал себя за то, что совершил непоправимое, не разобравшись в ситуации.

Он опустился перед Чу Янем на колени:

— Ваше Величество — единственный родной человек, что остался у меня в этом мире.

Боясь признаться в истинных чувствах, он мог использовать лишь предлог родства.

Чу Янь, глядя на коленопреклоненного Хань Чжэна, внезапно наклонился, подцепил пальцем его подбородок и прошептал:

— Дядюшка.

Хань Чжэн сглотнул. Как... как он смеет смотреть такими соблазнительными глазами и называть его дядюшкой?

— Дядюшка, вокруг меня не осталось людей, которым я мог бы доверять. Ты понимаешь, о чем я?

— Чего желает Ваше Величество? Ваш слуга готов на все, даже на смерть, лишь бы исполнить вашу волю.

Чу Янь вдруг улыбнулся. В это мгновение он был подобен распускающемуся цветку персика, чья красота только начала являть себя миру:

— Мне не нужно, чтобы ты умирал. Просто... приходи навещать меня почаще. В этом дворце слишком холодно, мне страшно оставаться одному.

Его слабость заставила Хань Чжэна замереть. Возможно, все люди — а мужчины особенно — склонны жалеть то, что кажется хрупким.

— Я обязательно буду часто приходить к Вашему Величеству! — твердо пообещал Хань Чжэн.

Наблюдавший за этой сценой Линь Цзиньчжи вдруг сжал кулаки, а его лицо помрачнело.

Глава 15

Мелкий дождь окутал все вокруг тонкой пеленой тумана, скрывая очертания предметов.

Из-за непогоды дорожки, вымощенные синим камнем, усыпало опавшими лепестками груш.

Чу Янь под зонтом, в легком зеленом халате, казался частью этого пейзажа. Хань Чжэн смотрел на него, не в силах оторвать взгляд.

— Знает ли генерал, зачем я пришел сюда сегодня?

— Не знаю, Ваше Величество.

Чу Янь усмехнулся с привычной холодностью:

— Я пришел возжечь благовония для Гао Хуа. Сегодня седьмой день после его смерти.

Прошло семь дней, но Чу Янь ни разу не навестил его могилу. Сегодня же он настоял на том, чтобы прийти в одиночестве, прихватив с собой Хань Чжэна, который как раз заглянул его проведать.

При упоминании имени Гао Хуа в глазах Хань Чжэна промелькнула боль.

Это была преграда, которую им с Чу Янем никогда не преодолеть. Когда они были вместе, император часто погружался в задумчивость. Вероятно, он считал, что умело скрывает свои чувства, но Хань Чжэн чувствовал исходящую от него тонкую жажду убийства.

Император хотел его убить.

Хань Чжэн давно понял это. Недавняя нежность была лишь затишьем перед бурей.

Но это был его грех, и Хань Чжэн перестал сопротивляться:

— Я готов сопровождать Ваше Величество.

Улыбка исчезла с лица Чу Яня. Он пристально посмотрел на Хань Чжэна.

На лице императора не осталось ни единой эмоции, но слова прозвучали твердо.

В глубине глаз Чу Яня вспыхнула боль, даже само дыхание казалось пропитанным страданием.

Лучшим выходом было бы использовать силу Хань Чжэна, чтобы вернуть себе всё утраченное. Но Чу Янь не мог. Всякий раз, вспоминая, как Хань Чжэн тяжело ранил Гао Хуа, он не мог заставить себя строить расчеты.

Если бы не Хань Чжэн, Гао Хуа не погиб бы от рук приспешников князя Синя.

Когда Чу Янь дошел до места, подол его одежды промок от дождя. Весенний дождь, подобный вину, косыми струями оседал на плечах, а сердце императора уходило в пятки.

Спустя какое-то время они достигли небольшого домика.

Благодаря стараниям Чу Яня похороны Гао Хуа прошли достойно. Повсюду были развешаны белые полотна, колышущиеся на ветру, а внутри, над гробом, висел большой иероглиф Подношение.

— Гао Хуа, я пришел навестить тебя. Я обещал тебе жизнь в богатстве и славе, но нарушил свое слово. В свой последний час ты думал обо мне? Сегодня седьмой день, ночь возвращения души... перестань тосковать, уходи.

С каждым словом туман в глазах императора становился гуще, но голос оставался жестким и безжалостным.

Если бы Хань Чжэн не стоял рядом, он бы действительно поверил, что Чу Янь не испытывает к Гао Хуа никаких чувств. Но чем больше император так себя вел, тем сильнее сжималось сердце Хань Чжэна.

Он был неправ. Глубоко неправ.

Зачем он использовал Гао Хуа, чтобы угрожать Чу Яню? Зачем мучил его этим?

Чу Янь выплеснул чашу вина перед гробом, наполнил ее снова и протянул Хань Чжэну:

— Генерал, воздайте и вы ему почести.

В его тоне не допускалось отказа.

Разве подобает убийце воздавать почести жертве?

Хань Чжэн принял чашу, все его тело напряглось. Всю жизнь он защищал страну и пролил немало крови на полях сражений, но впервые испытывал такую тяжесть на душе из-за того, что причинил кому-то вред. Даже если он не убивал Гао Хуа лично, его вина была очевидна.

Хань Чжэн выплеснул вино и, будучи великим генералом, склонился перед слугой:

— Покойся с миром.

Когда Хань Чжэн поднял голову, он увидел, что окружен со всех сторон, а Чу Янь направил на него свой меч.

Хань Чжэн усмехнулся, словно предвидел это:

— Ваша ловушка хороша, Ваше Величество, но в следующий раз играйте убедительнее.

Лицо Чу Яня было мертвенно-бледным:

— Даже сейчас вы позволяете себе так легкомысленно оценивать мои действия, генерал?

— Не смею. Я просто беспокоюсь за Вас. Если кто-то еще решится на подобное святотатство, Вам следует лучше скрывать свою ненависть, чтобы достичь цели.

Чу Янь холодно рассмеялся, придвинув острие меча ближе:

— Молчать! Мне не нужны ваши советы!

Хань Чжэн безмолвно смотрел на него, в его глазах читалась жалость. Теперь он понял, почему лекари говорили, что состояние императора внушает опасения: он сжигает себя изнутри.

Император ненавидит его и Цзиньчжи, но он — его дядюшка, а Цзиньчжи — самый любимый человек. Не желая отпускать их, он не может простить самого себя.

Грудь Хань Чжэна пронзила боль, он чувствовал вкус крови. Он мог представить, как император проводит бессонные ночи:

— Таких, как я, не жалко. Прошу лишь об одном: берегите себя.

Чу Янь стиснул зубы, его рука с мечом задрожала:

— Хватит пустых слов. Я должен отомстить за Гао Хуа.

Хань Чжэн улыбнулся и закрыл глаза:

— Если Ваше Величество жаждет моей жизни, я не стану сопротивляться.

Увидев это, Чу Янь широко открыл глаза. Он не мог нанести удар. Достаточно было легкого движения, чтобы покончить с врагом, но рука не слушалась.

— Перед смертью у меня есть просьба.

— ...Ха, ждете, пока придет подмога?

Хань Чжэн покачал головой, не став ничего объяснять:

— Когда я пел, Ваше Величество всегда улыбались. Поэтому... я хотел бы спеть для Вас в последний раз.

— ...Разрешаю.

Как только эти слова сорвались с губ, Хань Чжэн запел ту самую песню, которую Чу Янь учил его несколько дней назад:

— Горы имеют деревья, деревья имеют ветви, сердце любит тебя, но ты не знаешь об этом...

Он пел ужасно, совсем не попадая в ноты.

Но Чу Янь почувствовал во рту вкус крови. Он не мог расправиться с Хань Чжэном и Линь Цзиньчжи, не мог отомстить за Гао Хуа.

Он не мог простить лишь самого себя.

Почему Хань Чжэн оказался названным братом Чжан Вэня? После случившегося Чу Янь велел все разузнать. Оказалось, Чжан Вэнь очень ценил этого брата, считал его семьей, да и мать при жизни упоминала о нем.

Она рассказывала, что до того, как попасть во дворец, семья приютила несчастного ребенка, и она относилась к нему как к родному брату.

Эта мелодия, казалось, хотела что-то передать. Чу Янь сжал челюсти и с силой ударил мечом вперед.

Клинок вошел в тело Хань Чжэна. Тот невольно открыл глаза, но увидел, что Чу Янь тут же вытащил меч:

— Ты лишь ранил Гао Хуа, но не убил его. Этот удар — месть за него.

Хань Чжэн зажал рану, наблюдая, как засада отступает, а фигура Чу Яня постепенно растворяется в весеннем дожде.

Уходя, император бросил через плечо:

— Твоя жизнь теперь в руках небес. Я не пришлю лекарей, пусть все идет своим чередом. Если выживешь — значит, небо не хочет твоей смерти. Тогда... я отпущу прошлое.

После этих слов перед глазами Хань Чжэна потемнело.

Место, куда ударил Чу Янь, было болезненным, но не смертельным.

Хань Чжэн, прижимая руку к ране, шаг за шагом пополз вперед. От потери крови за ним тянулся кровавый след.

Не хочу умирать... не хочу! Если его не станет, если некому будет сдерживать чиновников, кто знает, что они сделают с императором!

Он должен выжить. Должен защитить его!

Движимый этой мыслью, Хань Чжэн наконец добрался до порога. Снаружи все еще шел дождь, и холод пробирал до костей. Или это холод смерти?

Хань Чжэн выбрался наружу, его лицо уткнулось в мягкую землю. Он полз из последних сил, впиваясь пальцами в грязь.

Вдали показался дворцовый слуга. У Хань Чжэна больше не осталось сил:

— Помоги...

Сказав это, он потерял сознание.

Чу Янь вернулся во дворец в состоянии глубокого оцепенения.

В этот момент к нему пожаловал Линь Цзиньчжи, который давно не появлялся.

Чу Янь перевел на него взгляд, но промолчал.

Линь Цзиньчжи поклонился:

— Приветствую Ваше Величество.

Чу Янь ответил странным тоном:

— Встань.

Заметив, что одежда императора промокла, Линь Цзиньчжи спросил:

— Ваше Величество выходили наружу? Почему не сменили мокрые одежды?

— ...Не хочу.

— Здоровье Вашего Величества важнее. Так легко простудиться, не стоит так себя вести.

Их общение будто вернулось в прошлое, когда Линь Цзиньчжи был спутником наследного принца. Чу Янь всем сердцем тянулся к этому утонченному юноше, а тот всегда мягко улыбался ему и давал советы.

Но теперь все изменилось, особенно их отношения.

Чу Янь хотел вести себя как прежде, но слова вырвались помимо воли:

— Если Цзиньчжи боится, что я простужусь, может, займемся тем, от чего тело согреется?

Ресницы Линь Цзиньчжи дрогнули, он плотно закрыл глаза:

— Что бы Ваше Величество ни пожелали, я не стану противиться. Это лишь последствия моих ошибок.

Чу Янь приблизился, чувствуя раздражение.

Все они такие. Как было бы хорошо, если бы Линь Цзиньчжи хотя бы попытался оправдаться!

Чу Янь грубо поцеловал его, мстительно кусая губы.

Дыхание Линь Цзиньчжи сбилось. В глубине души он не любил подчиненное положение. Это было мучительно. Если бы не то, что они уже несколько раз были близки, он, возможно, не выдержал бы и оттолкнул его.

Но сейчас Линь Цзиньчжи казалось, что это сладкая пытка. Он не мог шевельнуться, боясь, что Чу Янь заметит его волнение, и вынужден был терпеть.

— Почему не отталкиваешь меня?

Линь Цзиньчжи вновь открыл глаза:

— Я уже сказал: что бы Вы ни делали, я не буду сопротивляться.

Чу Янь коснулся его, и от этого поцелуя Линь Цзиньчжи пришел в возбуждение.

Чу Янь усмехнулся, дразняще и опасно:

— Возбуждился? Так нравится, когда я тебя целую?

Его улыбка была подобна демону, похищающему души. Линь Цзиньчжи завороченно смотрел на него, ответ вертелся на языке.

Но в следующую секунду Чу Янь отстранился, толкнул его и, глядя сверху вниз, произнес:

— Пошел вон!

Глава 16

Линь Цзиньчжи давно знал, что их отношениям не суждено наладиться. Но, услышав эти слова, он все равно почувствовал острую боль.

Выпрямив спину, он отдал императору честь и, не оглядываясь, шагнул в пелену дождя.

У Чу Яня раскалывалась голова — то ли от простуды, то ли от усталости:

— Гао Хуа, принеси мне сухую одежду...

Произнеся это, он вдруг вспомнил, что Гао Хуа мертв. Привычка — страшная вещь. Чу Янь поджал губы и замолчал.

Однако вскоре после его слов кто-то вошел с одеждой в руках:

— Ваше Величество, переоденьтесь, не простудитесь.

Чу Янь взял одежду и поднял взгляд:

— Янь Фэн?

Янь Фэн склонил голову еще ниже:

— Ваш слуга Янь Фэн приветствует Ваше Величество.

— Оставь формальности! — Чу Янь потянул его за собой, голос его дрогнул. — Как ты...

Янь Фэн понял вопрос и рассказал все, что произошло в последнее время.

Услышав его слова, Чу Янь сжал кулаки:

— Ты хочешь сказать... Линь Цзиньчжи не только не убил тебя, но и тайно собирает силы, чтобы защитить меня?

Янь Фэн кивнул:

— Именно так.

Чу Янь выдавил из себя улыбку, которая выглядела пугающе:

— Зачем все это, когда уже слишком поздно? Лучше бы вы продолжали ненавидеть меня, разве взаимная месть не была бы проще?

Самое сложное — это любить и ненавидеть одновременно.

Руки Чу Яня дрожали, и внезапно он выплюнул сгусток крови.

Янь Фэн в ужасе подхватил падающего императора. Но Чу Янь уже был без сознания. Янь Фэн, немного сведущий в медицине, нащупал пульс и побледнел:

— Ваше Величество! Ваше Величество!

Слух о том, что император при смерти, распространился по дворцу подобно весенним побегам бамбука.

При дворе началось смятение, весть дошла даже до князя Синя. Он примчался во дворец ночью и увидел Чу Яня, окруженного лекарями. Запах лекарств был невыносим. Глаза князя Синя покраснели, он охрипшим голосом позвал:

— Брат мой...

Но Чу Янь не слышал его. Он был заперт в собственном мире и не спешил возвращаться.

Князь Синь просидел у его постели всю ночь, и лишь когда забрезжил рассвет, Чу Янь медленно открыл глаза.

— Брат, ты очнулся!

Чу Янь посмотрел на юношу. В его глазах читались беспокойство и обожание — точь-в-точь как у самого Чу Яня, когда он смотрел на Линь Цзиньчжи. Титул князя Синя... он выбрал его сам.

Верность.

Князю Синю было всего пятнадцать, он был на десять лет младше императора. Но при дворе к этому единственному выжившему брату императора относились с почтением. Отношение самого Чу Яня было ясно всем.

— Как долго я спал?

— Целую ночь.

Чу Янь ответил отрешенным голосом:

— Значит, так долго.

Князь Синь спросил:

— Брат, почему твое здоровье настолько пошатнулось? Это те негодяи Линь Цзиньчжи и Хань Чжэн...?

— Что за глупости, при чем тут они? Я был ранен на охоте, до сих пор не оправился, не выдумывай, — нахмурился Чу Янь.

Князь Синь выдохнул с облегчением:

— В последние дни во дворце было беспокойно, я думал, они замышляют что-то против тебя...

— Не беспокойся, я знаю, что делаю. Занимайся учебой и тренировками.

— ...Хорошо.

Братья еще немного поговорили, и Чу Янь отпустил его.

В зале было тихо, из курильницы поднимался ароматный дым — кажется, в него добавили успокоительное.

[Хозяин, раз вы вчера так с ним обошлись... придет ли Линь Цзиньчжи снова? Я так волнуюсь за те последние очки раскаяния.]

Когда Чу Янь был один, его лицо теряло напускную хрупкость, а глаза лениво прищуривались:

[Если я не волнуюсь, чего волнуешься ты?]

[...]

[У нас, людей, есть поговорка про тебя.]

[Какая?]

[Хе-хе, император не спешит, а евнух суетится.]

[Хозяин... вы обозвали меня евнухом!!]

Чу Янь кашлянул, не ожидая такой реакции:

[Слушай, ты понимаешь, что такое безответное желание? Невозможно отпустить, не проглотить и не выплюнуть — вот кто я сейчас для Линь Цзиньчжи!]

[...]

[Поэтому он точно придет. Это мужская слабость. Сначала нужно дать достаточно отчаяния, а потом — немного сладости, -v-]

Хозяин, почему вы такие довольные!! — внутренне вопила Система.

Весть о болезни императора встревожила Линь Цзиньчжи, остававшегося в своем поместье. Несмотря на вчерашний поступок Чу Яня, он не переставал беспокоиться.

Когда он прибыл во дворец, то заметил, что груша у спальни императора полностью облетела — наступил апрель.

Линь Цзиньчжи вошел внутрь. Слуга подкладывал угли в жаровню. Линь Цзиньчжи тихо спросил:

— Уже апрель, на улице тепло, зачем вы добавили угля?

Слуга, увидев его, поспешно опустился на колени:

— Господин, Его Величество постоянно жалуется на холод, поэтому я добавил тепла.

Услышав это, Линь Цзиньчжи надолго лишился дара речи. Придя в себя, он ощутил нестерпимую боль в сердце: состояние Чу Яня было настолько тяжелым.

— Ступай.

— Слушаюсь.

Войдя в покои, он увидел Чу Яня на кровати. Тот спал, в комнате было душно от жара, но он продолжал дрожать от холода.

Линь Цзиньчжи подошел ближе, завороченно глядя на его лицо. Император сильно исхудал. В то время, пока его не было, Чу Янь страдал. Когда Линь Цзиньчжи видел Чу Яня вместе с Хань Чжэном, он не мог сдержать ревность. Он боялся, что если увидит больше, то не сдержится и вступит в конфликт с генералом.

Лицо Чу Яня было пугающе бледным, губы лишены крови, но даже эта болезнь не могла скрыть его природной красоты.

— Ваше Величество...

Услышав голос, Чу Янь медленно открыл глаза:

— Почему ты пришел?

— Когда я выполнял указ об описи имущества, в бывшей резиденции князя Синя я нашел кое-что.

Чу Янь по-прежнему лениво смотрел на него:

— Что нашел?

<http://bllate.org/book/22166/2309062>